

Глава 148. Подведение итогов.

Завершающий пир года проходил в зале, убранном в цвета Слизерина. Слишком уж многие гриффиндорцы расслабились, решив, что выигрыш квиддичного кубка обеспечит Дому и общее лидерство. Не прокатило.

Во-первых, матч Гриффиндор/Слизерин выдался очень тяжелым. Снитч не появлялся долго, и разрыв в очках постепенно рос в пользу Слизерина. Так что, хотя я и выхватил золотой шарик из-под самого носа Драко, но общий разрыв составил десятки очков, а не сотню, как многие рассчитывали.

Во-вторых, хотя пара Видящая/Дипломат и уступала нам с Кай в опыте маневрирования в многомерном пространстве вероятного будущего, но любого другого ловца превосходила на голову. Так что Рейвенкло и Хаффлпафф потерпели от Слизерина просто разгромные поражения, что еще более сократило разрыв.

Ну и, наконец, натянутые Снейпом слизеринцы выдали просто нереальный результат на зельях. Хотя, вспоминая некоторые истории об обучении в Доме Изумрудного мага, рассказанные Драко, у меня язык не повернулся бы сказать, что ученики этого Дома знают зелья хотя бы на балл ниже полученной оценки. Конечно, подобный подход можно было бы назвать предвзятым и неравноправным... если не знать, что любой ученик может обратиться к декану серебряно-зеленых за дополнительными занятиями, и истории еще не известны случаи, чтобы Северус Снейп кому-либо отказал в дополнительных знаниях. Впрочем, из всего ало-золотого Дома этой возможностью решились воспользоваться только близнецы Уизли, которые теперь и поражали свой факультет все новыми и новыми изобретениями.

Так что к концу пира взгляды многих учеников дома Золотого грифона были направлены на Дамблдора в надежде на повторение прошлогоднего чуда. Вот только список обвинений, аккуратно и через третьи-четвертые руки инспирированный Люциусом Малфоем включал и «несправедливость и предвзятость, а так же манипуляции школьной системой оценок». И, в отличие от обвинений более голословных, это стоило директору не только головной боли, но и некоторых политических уступок. Так что подставляться снова Дамблдор не пожелал.

— ... так что - приветствуем Дом Слизерина! - Закончил он свою речь.

Обычно на такое заявление отзывалась разве что тишина. Рейвенкло и Хаффлпафф, несмотря на весь свой демонстрируемый нейтралитет, а может - и благодаря ему, предпочитали не устраивать овации враждующим домам. Ну а уж от Гриффиндора ожидать аплодисментов в адрес извечных соперников было бы и вовсе глупо...

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Ну да. Я поднялся и захопал. Следом немедленно вскочила Миа. За ней - Джинни. Глядя на сестру подтянулись близнецы. И вот уже примерно половина ало-золотых аплодирует победе зелено-серебряных под офигевшими и недоумевающими взглядами последних.

— Я рад, что дух честной борьбы возобладал над азартом. - Сверкнув очками-половинками, улыбнулся Дамблдор. Однако эмоциональный фон, хоть и укрытый мастерскими щитами, говорил скорее не о радости, а об ощущении некоей легкой мигрени: вроде и неприятно, но и что с этим делать - непонятно, и может оказаться себе дороже.

Рон, все-таки протащенный преподавателями на следующий курс, смотрел на нас, как на врагов народа. Подобное поведение никак не укладывалось в его плоском черно-белом

мировоззрении. Собственно смысл сего демарша был в том, чтобы на корню пресечь появившиеся было в голове Ронникинса мысли о том, чтобы помириться-таки «с этими предателями». И результат нельзя было не признать «более чем удовлетворительным».

Сборы в дорогу для нас троих облегчались тем, что мы все-таки жили отдельно, и не было необходимости искать по всей башне Гриффиндора вещи «одолженные на минутку» однокурсниками еще в начале учебного года. Так что собрались мы быстро, и, сидя на чемоданах в Большом зале – могли наблюдать за предотъездной суетой остальной школы.

Естественно, «на чемоданах» — выражение, в нашем случае, почти фигуральное. Причем «почти» отделял от полного небытия сундук Джинни.

Нет, конечно понятно, что прикупить своим детям сумочки вроде той, которой весело помахивала Миа, у семейства Уизли не было никакой возможности. Но наложить на чемодан элементарные чары снижения веса – может любой волшебник. Да, конечно, в исполнении «любого волшебника» эти чары будут в разы слабее, чем если бы их накладывал специалист... но даже и так они могли бы сильно облегчить девочке жизнь: Честно говоря, чтобы перемещать этот сундук, даже мне приходилось прибегать к помощи частичного оборота, и это заставляло вспомнить мою первую встречу с Миа.

Посиделки прервала Минерва Макгонагалл, давшая знак к выдвижению. Я, с двумя девочками двинулся к выходу из замка, ловя на себе взгляды от презрительных («мальчишка, а с девочками водится»), до завистливых. Впрочем, последние чаще обращались на Джинни, в которой уже виднелись признаки будущей красоты. На Миа же если и поглядывали, то замечали главным образом немного выступающие зубы, и прическу, старательно созданную утром, но уже растрепавшуюся до привычно-удобного состояния «воронье гнездо». Миа, вообще говоря, давно уже не обращала внимания на такие взгляды. Но, на всякий случай, я обнял ее за плечо, притянул к себе и укутал в свою ауру, в которой кроме привычного серебра Улгу уже начинали проявляться багрово-алые всплески Акши*.

/*Прим. автора: об изменчивых цветных ветрах и их Владыке – см. «Либер Хаотика: Тзинч»*/

Теплая аура девочки успокоила меня, не давая сорваться в разрушительное безумие уничтожения. Ее близость напоминала мне о том, что в сущности, не имеет никакого значения: что именно слепцы думают о радуге, а глухие о музыке. Им стоит разве что посочувствовать в связи с их ущербностью, но убивать за это – явный перебор.

Я усмехнулся. Не в первый раз присутствие рядом Миа и загоняет меня в боевое безумие, и выводит из него. Очередной парадокс Хаоса, один из тех, которых много в моей жизни. Но присутствию конкретно этого – я очень и очень рад.

Поездка в каретах, запряженных фестралами, не принесла ничего нового... разве что несколько приятных минут для самого фестрала, которого по окончании поездки просто затискали.

В купе набился почти весь мой Внутренний круг, за исключением рубиновых близняшек. Я устроился у окна, с Миа на коленях. Слева ко мне была притиснута Джинни, которую подпирала Астория Гринграсс. А напротив мечтательно заглядывала в окно Луна, рядом с которой расположились, взявшись за руки, Драко и Дафна. Подобное расположение имело неявной целью воспрепятствовать маловероятной, но все-таки возможной попытке Рона Уизли снова подружиться с Мальчиком-который-Выжил.

Очень скоро выяснилось, что постоянная бдительность, и страховка против даже невероятных

угроз – не роскошь, а суровая необходимость. Ибо Ронникинс все-таки явился.

— Гарри, я... — Начал он то ли покаянную, то ли обвинительную речь. От неминуемой гибели в этот момент его спасла только пришедшая мне в голову идея, показавшаяся мне более забавной, чем немедленное аутодафе.

Левой рукой я обвил плечо Джинни, и так притиснутой ко мне вплотную, и потянул к себе еще крепче. Девочка несколько мгновений посопротивлялась, посмотрела на Миа, не выказывающую никаких признаков возмущения, и положила голову ко мне на плечо.

Рон изобразил хамелеона. Он покраснел, потом побледнел и даже позеленел. В последней фазе Ронникинс убедительно доказывал относительность всего и вся: несгибаемый гриффиндорец стал удивительно похож на пусть и корявое, но несомненно опознаваемое изображение символа Слизерина.

Шестой Уизли открыл рот. Потом – закрыл его. Потом – снова открыл. И так повторялось несколько раз. В конце концов, так и не сказав ни слов, Рон кинулся куда-то дальше по коридору. Вставать и проверять, куда его понесло у меня не было никакого желания, тем более, что Миа вздохнула хохотала, спрятав уткнувшись лицом ко мне в грудь. Да и Джинни странно похрюкивала мне в плечо.

Луна, до этого философски глядящая в окно, посмотрела на нас, героически сражающихся с хохотом, или уже потерпевших в этой титанической борьбе сокрушительное поражение, и заявила:

— Его мозгошмыги поменяли форму, но не цвет.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849853>